

Е. А. Салиас

Петербургское действо

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Петербургское действо: Часть 3 / Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию,
2020. – 303 с.

ISBN 978-5-458-52662-3

ISBN 978-5-458-52662-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I.

Прошло двѣ недѣли послѣ маскарада у Гольца, а много воды утекло.

Кружокъ братьевъ Орловыхъ увеличивался не по днямъ, а по часамъ. Наконецъ, квартира Григорія Орлова уже не могла вмѣстить всѣхъ лицъ, которыя собирались по утрамъ, иногда поздно вечеромъ и далеко за полночь. Приходилось подумать о другомъ мѣстѣ для собраній. Неизвѣстно, долго ли Орловы прособирались бы найти новое помѣщеніе, если бы осторожный Тепловъ не взялся за дѣло самъ.

За послѣднее время стали появляться въ квартирѣ Орловыхъ личности, которыхъ они не приглашали, и которыя сами навязывались въ дружбу. При этихъ личностяхъ, за которыхъ ни одинъ изъ братьевъ не могъ отвѣчать, приходилось, конечно, осторожно молчать или просто играть въ карты.

Одинъ изъ этихъ незваныхъ гостей, особенно навязчиво пристававшій къ Орловымъ повсюду, гдѣ встрѣчалъ ихъ, и раза два уже явившійся на ихъ сборища, былъ пріятель Фленсбурга, членъ кружка

Гудовича—Будбергъ. Первый, сообразившій въ чемъ дѣло, былъ, конечно, Тепловъ.

— За нами начали присматривать, — объявилъ онъ, — Будбергъ таскается не проста.

И Тепловъ отгадалъ вѣрно.

До принца Жоржа съ одной стороны, до Гудовича съ другой дошли положительные слухи, что въ квартирѣ Григорія Орлова, гдѣ прежде бывали только кутежи и картежная игра, теперь собирается много народа уже не для вина и картъ, а для бесѣдъ о разныхъ государственныхъ вопросахъ. Конечно, ни принцу, ни начальнику тайной канцеляріи, лѣнивому Гудовичу, не могла и на умъ придти та причина, которая руководила сборищемъ Орловыхъ. Если-бы кто-либо сказалъ, что тамъ замышляется государственный переворотъ, то, конечно, каждый изъ «голштинцевъ», т. е. приверженцевъ императора, похоталъ бы до слезъ надъ такой глупостью.

Единственный человѣкъ, который отнесся къ извѣстію объ этихъ сборищахъ серьезно, былъ Фленсбургъ, и онъ отрядилъ къ Орловымъ своего пріятеля Будберга съ просьбой поразнюхать, что тамъ творится.

Причина, руководившая Фленсбургомъ, была личная. Онъ искалъ теперь повсюду кругомъ себя средство какъ нибудь отличиться въ глазахъ государя. За послѣднее время личныя дѣла Фленсбурга шли скверно. Фортуна отвернулась отъ него; графиня Маргарита почти перестала его принимать и обращалась съ нимъ сухо и рѣзко; а между тѣмъ Фленсбургъ былъ влюбленъ въ нее еще болѣе прежняго и болѣе чѣмъ когда либо ревновалъ ее ко всѣмъ, и къ доктору Вурму, и къ старому Скабронскому, и

къ самому Гольцу, и наконецъ, за послѣдніе дни, уже на основаніи фактовъ, ревноваль къ мальчишкѣ, котораго Маргарита съ невѣроятною ловкостью сдѣлала въ одинъ мѣсяць изъ рядоваго офицеромъ.

Помимо неудачи въ своихъ сердечныхъ дѣлахъ, Фленсбургъ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ еще недавно,—хотя и тайнымъ, случайнымъ, но всетаки самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Петербургѣ. Еще недавно онъ имѣлъ полное вліяніе надъ принцемъ Жоржемъ, который, въ свою очередь, имѣлъ вліяніе надъ племянникомъ, т. е. надъ государемъ. Теперь принцъ точно также любилъ своего фаворита и переводчика, но самъ не пользовался прежнимъ значеніемъ при государѣ. Принцъ, а слѣдовательно и Фленсбургъ были побѣждены и уничтожены другимъ человѣкомъ.

Этотъ побѣдитель, захватившій теперь въ свои руки чуть не всю Россію, по крайней мѣрѣ судьбы Россіи, былъ, конечно, прусскій посоль. Первый же другъ Гольца въ Петербургѣ была теперь графиня Скабронская. И влюбленный, ревнующій Фленсбургъ ясно предвидѣлъ, къ чему приведетъ вскорѣ дружба Гольца съ государемъ и съ красавицей иноземкой. Фленсбургъ не сомнѣвался въ скоромъ возвышеніи графини Скабронской, если только она не испортитъ все дѣло своимъ неосторожнымъ поведеніемъ. Онъ не сомнѣвался тоже, что первый человѣкъ въ Петербургѣ, который при этомъ пострадаетъ, будетъ, конечно, онъ. Вдобавокъ одинъ изъ голштинскихъ офицеровъ, бывшій въ маскарадѣ Гольца, слышалъ ясно, какъ «Ночь» просила государя о высылкѣ Фленсбурга.

И вотъ честолюбивый плезвигскій дворянинъ сталъ

мечтать теперь о томъ, чтобы помимо принца какъ-нибудь приблизиться къ государю. Прежде всего онъ сталъ ухаживать за Гудовичемъ болѣе чѣмъ когда-либо и собирался, бросивъ мѣсто адъютанта ничего незначащаго теперь Жоржа, поступить членомъ въ канцелярію для разбора тайныхъ дѣлъ. Онъ уже намекалъ объ этомъ Гудовичу, обѣщая работать день и ночь, что, конечно, лѣнивому Гудовичу было на руку, и тотъ обѣщалъ ему поговорить объ этомъ съ государемъ.

Одновременно съ этимъ Фленсбургъ сталъ присматривать за кружкомъ Орловыхъ. Какъ умный и тонкій человѣкъ, онъ рѣшился слѣдить за ними какъ можно осторожнѣе и накрыть только тогда, когда время приспѣетъ и ему можно будетъ блистательно отличиться и сразу сдѣлаться близкимъ человѣкомъ къ государю. И вотъ тогда-то, видая государя часто, онъ помѣряется силами съ Гольцемъ и съ отвергнувшей его красавицей. Силенъ Гольць, красива Маргарита, но Фленсбургъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Надъ Гольцемъ онъ имѣлъ то преимущество, что зналъ страну ближе и говорилъ по-русски, надъ Маргаритой же въ томъ, что зналъ за ней кое-что, могущее, въ случаѣ нужды, погубить ее въ глазахъ государя.

Впрочемъ, первая попытка Фленсбурга слѣдить за Орловыми не удалось. Послѣ двухъ или трехъ назойливыхъ посѣщеній Будберга сборища въ квартирѣ прекратились. И не смотря на всѣ свои старанія и даже не смотря на наемныхъ солдатъ изъ голштинскаго войска, говорящихъ по-русски, Фленсбургъ не могъ узнать, продолжаютъ ли гдѣ-нибудь сборища. Говорить же объ этомъ онъ никому не хо-

тѣль, даже принцу Жоржу ни слова ни разу не сказалъ о своемъ новомъ занятіи, потому что ему хотѣлось вести дѣло одному и, накрывъ подозрительныхъ людей, присвоить себѣ всю честь великаго дѣла.

Между тѣмъ, орловскій кружокъ далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ былъ великимъ постомъ, переехавъ въ огромный вновь нанятый домъ глухаго квартала Выборской стороны. Теперь въ этомъ домѣ, кое-какъ меблированномъ на общія средства, собирались уже не одни молодцы гвардейцы. Здѣсь стали появляться люди пожилые, даже старые, изъ самыхъ разнообразныхъ кружковъ столицы. Тутъ было уже нѣсколько чиновныхъ людей, занимавшихъ разныя довольно видныя должности въ разныхъ вѣдомствахъ, было уже нѣсколько сенаторовъ и, наконецъ, нѣсколько духовныхъ лицъ. Въ числѣ послѣднихъ появился, хотя правда только одинъ разъ, самъ Сѣченовъ.

Дѣятельность кружка, подъ управленіемъ Теплова, стала кипучая, хотя простая. Она заключалась въ двухъ вещахъ: находить деньги пожертвованіями для раздачи въ разныхъ полкахъ черезъ офицеровъ и, затѣмъ, вербовать... и вербовать! И всякій вербоваль другого и обращался къ нему съ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ вопросомъ:

— Пойдете-ли вы противъ переменъ?.. Помѣшаете-ли чѣмъ-либо дѣйству противъ существующаго правительства, если таковое дѣйство будетъ?

И подобнаго человѣка въ столицѣ почти не оказывалось!

Если бы Орловы и вся компанія заговорщиковъ обращались съ просьбой о помощи, съ требованіемъ

дѣйствовать, то, конечно, они никого-бы не нашли. Но они только заручились обѣщаніемъ ничего не дѣлать противъ тѣхъ, кто что-либо начнетъ... И отовсюду было полное согласіе.

Въ двухъ только полкахъ гвардіи—въ конномъ и преображенскомъ, можно было насчитать человѣкъ съ двадцать офицеровъ, къ которымъ нельзя было приступить съ какими бы то ни было откровенными рѣчами... Всѣ остальные офицеры принадлежали уже кружку и сорили сборными деньгами въ своихъ полкахъ. Въ преображенскомъ солдаты обожали Алексѣя Орлова, Пассека и Баскакова, въ семеновскомъ также обожали и повиновались Федору Орлову, въ измайловскомъ—Лосунскому и братьямъ Рославлевымъ, а въ конномъ дѣлали, что хотѣли, офицеры: князь Волконскій, Хитрово и Бибиковъ.

Тепловъ игралъ ту же роль въ сенатѣ и могъ перечестъ не малое количество сенаторовъ, которые обѣщали въ случаѣ чего либо «пальцемъ не двинуть». Что касается духовенства, то Сѣченовъ ручался, что во всемъ Петербургѣ не найдется ни одного человѣка, носящаго рясу, который бы былъ «самъ себѣ врагъ». Послѣ отнятія вотчинъ у монастырей и послѣ указа дѣтямъ духовныхъ поступать въ солдаты, кто же бы изъ нихъ согласился ратовать за правительство, приводившее въ исполненіе эти пагубныя для нихъ мѣры?

Наконецъ, всякій изъ собиравшихся на бесѣды ручался за свой собственный домъ, за домочадцевъ, за прислугу.

Прислуга была въ свой чередъ распространителемъ извѣстныхъ рѣчей по кабачкамъ и трактирамъ.

Такимъ образомъ; въ скоромъ времени тайныя

нити опутали столицу. Центромъ всего былъ Тепловъ и братья Орловы, изъ которыхъ одинъ бывалъ всякій день у императрицы. Но многіе въ кружкѣ этого даже не знали.

Сама государыня тоже не теряла времени. Не было ни одного крупнаго сановника въ столицѣ, начиная съ графовъ Разумовскихъ, Панина, канцлера Воронцова, у котораго бы она не выпытала, какъ поступить онъ въ случаѣ, если будетъ проявленіе недовольства и какое бы то ни было дѣйство народное. Часто по очереди государыня бесѣдовала со всякимъ изъ этихъ вельможъ, но никогда ни разу не звала ихъ вмѣстѣ на общую бесѣду объ этомъ предметѣ. Разумовскіе и не подозрѣвали, что государя осторожно бесѣдовала съ ними о томъ же, о чемъ бесѣдовала вчера съ Сѣченовымъ, третьяго дня съ Панинымъ...

И, такимъ образомъ, всѣ и все отъ перваго вельможи въ государствѣ до послѣдняго кабатчика знали, ожидали и мечтали объ одномъ и томъ же, но между собой объ этомъ не говорили, воображая, каждый въ свою очередь, что только одинъ онъ посвященный, а другіе всѣ чуть не «голлштинцы».

Единственный человѣкъ во всемъ Петербургѣ, который неосторожно, рѣзко и откровенно заговаривалъ о невозможности положенія дѣлъ, — была княгиня Дашкова. Она чуть не самому государю говорила при встрѣчахъ, что «такъ царствовать нельзя!» Но никто не обращалъ на нее вниманія, всякій пожималъ плечами и объяснялъ все словомъ «баба» или «фантазёрка».

Вести себя такъ Дашкова могла, конечно, только въ качествѣ родной сестры фаворитки и благодаря

добродушію крестнаго отца, государя. Разумѣется, изъ того, что зналъ Тепловъ, что зналъ Григорій Орловъ, что знала государыня, Дашкова ничего не знала. Вреда принести она не могла, но и пользы отъ нея не было никакой. Она предлагала государынѣ дѣйствовать, заручаться друзьями и приверженцами, и государыня только улыбалась. Она предлагала государынѣ разныя мѣры, но особенныя, характерныя. Однажды она предложила, чтобы всякій приверженецъ императрицы, негодующій на правительство и готовый стать на сторону ея и наследника, имѣлъ какое-нибудь отличіе; подавая, напримеръ, руку, дѣлалъ бы франкъ-массонскій знакъ, носилъ бы на лѣвой рукѣ браслетъ. Особенно браслетъ съ замысловатой надписью по латыни преслѣдовалъ княгиню и днемъ, и ночью, и съ нимъ преслѣдовала она государыню на столько, что Екатерина однажды, разсмѣявшись, отвѣчала:

— Ахъ, голубушка, да закажите вы себѣ его, да и носите!

И часто государыня, оставаясь одна, послѣ визита Дашковой, весело усмѣхалась и думала:

«А, вѣдь, если, Богъ дастъ, совершится что либо счастливо и удачно, то вѣдь она всю честь на себя возьметъ!»

И ей невольно приходила на умъ одна басня Лафонтена о мухѣ и путешественникахъ.

Муха, въ баснѣ, назойливо кружившаяся надъ лошадьми, людьми и экипажемъ, который съ трудомъ поднимался въ гору, наконецъ, отстала, усѣлась на деревѣ и съ пріятнымъ чувствомъ исполненнаго долга объяснила себѣ, что, послѣ всѣхъ хлопотъ, она можетъ и отдохнуть!..